https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-319-331
https://elibrary.ru/BBMARM
УДК 82.0+1(091)
Научная статья / Research Article

This is an open access article
Distributed under the Creative
Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

ДИАЛЕКТИКА А.Ф. ЛОСЕВА КАК ОСНОВА ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

© 2026 г. И.В. Кузнецов

Аннотация: 1920-е гг. — время напряженных дискуссий о предмете и характере науки о литературе, в том числе о принципах литературной эволюции. Учение о слове А.Ф. Лосева стоит в ряду близких по характеру и задачам исследований филологов-символистов, М.М. Бахтина, П.А. Флоренского. Метод Лосева — диалектическое конструирование научного предмета. В основу такого конструирования Лосевым был положен знакомый «серебряному веку» принцип тетрактиды, соединяющий антиномии «одного» и «иного», «подвижности» и «покоя», «тождества» и «различия». Этот принцип позволяет сконструировать словесность и произведение словесного творчества как научные предметы. Применение принципа тетрактиды к материалу литературной эволюции позволяет создать модель развития русской словесности. Эта модель включает четыре этапа, последовательность которых одинакова в Средние века и в Новое время. Сменившие друг друга в русской словесности ценностные антиномии письма и фольклора, поэзии и прозы направляли ее развитие в средневековье и в Новое время соответственно. Новизна статьи связана с тем, что диалектика в ней представлена как адекватный инструмент самоописания антиномичной модернистской культуры. Диалектически сконструированная модель развития русской словесности объясняет дионисийские приоритеты русского модерна. Особенности художественного творчества самого А.Ф. Лосева также соответствуют логике этой модели.

Ключевые слова: антиномия, диалектика, А.Ф. Лосев, литературная эволюция, русский модернизм, теоретическая история русской литературы

Информация об авторе: Илья Владимирович Кузнецов — доктор филологических наук, доцент, профессор, Новосибирский государственный театральный институт, Красный пр., д. 171/4, 630049, г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9629-4012

E-mail: eliah2001@mail.ru

Для цитирования: *Кузнецов И.В.* Диалектика А.Ф. Лосева как основа литературоведческой методологии // Антиномичность поэтики русского модернизма и современная гуманитарная мысль: коллективная монография / отв. ред. и сост. С.В. Федотова. М.: ИМЛИ РАН, 2026. С. 319–331. 1 электрон. опт. диск (CD-R). Текст: электронный.

https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-319-331

A.F. LOSEV'S DIALECTICS AS THE BASIS OF LITERARY METHODOLOGY

© 2026. Ilya V. Kuznetsov

Abstract: The 1920s were a time of intense discussions about the subject and nature of literary studies, including the principles of literary evolution. The teaching of the word by A.F. Losev stands among the Symbolist philologists, M.M. Bakhtin, and P.A. Florensky, who are similar in nature and objectives of their research. Losev's method is a dialectical construction of a scientific subject. Losev based this construction on the tetractyde principle, familiar to the Silver Age, combining the antinomies of "one" and "the other", "mobility" and "rest", "identity" and "difference." This principle allows us to formulate verbality and the work of literary creativity as scientific subjects. The application of the tetractyde principle to the material of literary evolution allows us to create a model for the development of Russian literature. This model includes four stages, the sequence of which is the same in the Middle Ages and in Modern Times. Axiological antinomies of writing and folklore, poetry and prose, which replaced each other in Russian literature, guided its development in the Middle Ages and in Modern Times, respectively. The novelty of the article is due to the fact that dialectics is presented in it as an adequate tool for self-description of antinomic modernist culture. Russian verbality's dialectically constructed development model explains the Dionysian priorities of Russian modernism. The features of A.F. Losev's own artistic work also correspond to the logic of this model.

Keywords: antinomy, dialectics, A.F. Losev, literary evolution, Russian modernism, theoretical history of Russian literature

Information about the author: Ilya V. Kuznetsov, DSc in Philology, Associate Professor, Professor, Novosibirsk State Theater Institute, Krasny Ave., 171/4, 630049, Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9629-4012

E-mail: eliah2001@mail.ru

For citation: Kuznetsov, I.V. "A.F. Losev's Dialectics as the Basis of Literary Methodology." *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma i sovremennaia gu-*

manitarnaia mysl' [*The Antinomic Nature of Russian Modernism Poetics and Modern Humanities Thought*], ex. ed. Svetlana V. Fedotova. Moscow, IWL RAS Publ., 2026, pp. 319–331. (In Russian) 1 Electronic Optical Disc. Text: Electronic.
https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0875-2-319-331

В 1920-е гг. внутри проблематики зарождавшегося отечественного литературоведения регулярно актуализировался вопрос о литературной эволюции: о внутренней закономерности, направляющей развитие литературного процесса. Среди старших представителей академического литературоведения этот вопрос занимал прежде всего П.Н. Сакулина, поставившего его в формате статьи [27], а в середине 1920-х гг. опубликовавшего развернутое исследование о «Синтетической истории литературы», фактически — о развитии словесности [28]. Этот же вопрос привлекал внимание и младшего поколения филологов, составившего так называемую «формальную школу» литературоведения. Конкретно говоря, Ю.Н. Тынянову принадлежит работа «О литературной эволюции», в которой он объяснял развитие литературы изменениями приемов, посредством которых в разные эпохи организуется поэтика текстов [34].

Сложность вопроса об эволюции связана в значительной мере с тем обстоятельством, что предмет, который должен держать в поле зрения исследователь — словесность — эмпирически имеет дискретный и разнородный, открытый состав[1]. Притом как синхронически, так и диахронически. Его составляют и художественные произведения, и памятники древнерусской книжности, и факты устной народной поэзии. Но как научный предмет словесность должна обладать умозрительной целостностью. Когда в 1970-е гг. Д.С. Лихачев вернулся к вопросу о литературной эволюции, он использовал для этого предмета термин «макрообъект» [15, с. 5]. Между единством предмета и его множественным составом существует антиномия, объективное неснимаемое противоречие. И первая задача — найти и использовать инструмент, позволяющий двигаться внутри этой антиномии.

[1] Состав материала при исследовании эволюционного характера оказался проблематизирован тогда же, в начале XX в. Входят ли в этот материал публицистические статьи, жития и летописи, фольклорные сказки и песни, или это должны быть только художественные произведения? И где критерий, позволяющий отличить художественные явления от нехудожественных? Эти вопросы обсуждались в начале 1920-х в статьях В.Э. Сеземана [29], А.А. Смирнова [30]. Бахтинская статья «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» [1] продолжала их проблематику. Фактически дискуссия шла о предмете и методе литературоведения как науки.

Необходимо смысловое конструирование антиномичного предмета как самостоятельной сущности, отличной от всего смежного с ней и находящейся в динамике живого становления.

Для этой цели оказывается уместным диалектический метод конструирования умозрительного предмета, тогда же, в 1920-е гг., восстановленный по античным источникам А.Ф. Лосевым [16] и эффективно примененный им в ряде научных областей. Диалектика была естественным элементом интеллектуальной среды русского модерна. Вдохновленный идеями Вагнера и Ницше о непрерывном развитии, о тождестве и различии Аполлона и Диониса, русский модерн жил этими антиномиями как источником творческого эроса [14, с. 101–103], что проявлялось и в философии, и в искусстве, и в жизненных практиках. Диалектичен по своей природе выявленный З.Г. Минц «миф о становлении», определявший мировоззрение Вл. Соловьева [26, с. 338]. Диалектически мыслил мэтр младосимволизма Вячеслав Иванов, и искусство, по его мнению, «должно быть внутреннедиалектическим» [9, с. 297]. Диалектическим было художественное и философское мышление Андрея Белого, его фундаментальная работа по теории стиха озаглавлена «Ритм как диалектика» [3]. Научная оптика Лосева была в значительной мере сформирована поисками младшего символизма, и опыт Вяч. Иванова занимал среди них важное место.

Примечательно, что первым предметом, подвергнутым Лосевым диалектическому конструированию, было Слово — Имя. Этим его работа «Философия имени» (1923) [17] становилась в ряд близких по времени исследований П.А. Флоренского («Строение слова», 1922) [35] и М.М. Бахтина («Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», 1924) [1][2]. Учение Лосева о слове, как и эти названные работы, были органичными, хотя в свое время «беззвучными» репликами в дискуссии 1920-х гг. о предмете и методе филологической науки[3].

В реконструкции Лосева диалектический метод предстает формализованным, и в таком качестве он допускает операциональное применение. Развивая философские конструкты, сложившиеся

[2] Подобно Лосеву, и Флоренский, и Бахтин отделяют от сущности слова или эстетического объекта все, что не принадлежит к ней в строгом смысле: эмпирические, т. е. прежде всего психологические и фонетические составляющие. Лосев назвал эти слои «до-предметной структурой имени» [17, с. 631–681].

[3] Сами же эти работы, как и исследования А.Ф. Лосева, были в большей или меньшей степени инспирированы имяславской проблематикой, актуализировавшейся в русской культуре начала XX в. [8].

у пифагорейцев и Платона, Лосев стал применять «тетрактиду» — четырехкомпонентную модель, гипостазирующую моменты разумного бытия всякого предмета или понятия[4]. Эти четыре начала — *одно* (сущность), *иное, становление* одного в ином и наличность *факта*, несущего на себе всю полноту диалектики [18, с. 10–21]. Одно и иное являются антиномически, синтезируются в становлении и существуют как факт.

Тетрактида, или четверица, тоже была известным, а в художественном отношении даже эффективно применимым интеллектуальным конструктом в культуре начала XX в. Андрей Белый придал своим «Симфониям» четырехчастную форму, свойственную сонатно-симфоническому циклу, который в музыке того времени понимался как воплощение вагнеровской идеи непрерывного развития [6; 14]. Борис Пастернак, на первых порах много взявший от Андрея Белого, в своем сочинении «Заказ драмы» (1910) не только использовал образ зимнего города из «Кубка метелей», но и представил диалектическую оппозицию тем «действительности» и «движения», пришедшую из статьи Белого «Формы искусства» (1902), где музыка идентифицирована как чистое *движение* и в этом качестве противопоставлена неподвижной *действительности*[5]. С развитием содержания «Заказа драмы» в нем обнаруживается четыре темы, или «момента», которые сам автор обозначил так: «Первое — действительность без движения, второе — движение без действительности. И третье <…> жизнь» [36, с. 460]. А «Композитор Шестикрылов был той терапевтической нитью, которая должна была сшивать оперированный миропорядок <…> чтобы вышло целое» [36, с. 461]. Так в тексте *действительность*, *движение* и *жизнь* «сшиваются» образом *композитора Шестикрылова*, в котором части миропорядка обретают диалектическую динамику. Образуется четверица, тетрактида. В первые десятилетия XX в. ее архитектонику более или менее осознанно использовали в своих поэтических циклах В. Брюсов, Е. Гуро, Игорь-Северянин, В. Набоков [14].

В этом культурном контексте, существовавшем на переходе от младосимволизма к постсимволизму, складывалась диалектическая

---

[4] В дальнейшем изложении мы будем опираться на так названную Лосевым «тетрактиду В», гипостазирующую разумное бытие тварного космоса. По Лосеву, она держится энергией «тетрактиды А», которая сама гипостазирует разумное бытие доразумной Перво-сущности.

[5] «Всякая форма искусства имеет исходным пунктом действительность, а конечным — музыку, как чистое движение» [4, с. 93].

философия А.Ф. Лосева[6]. С опорой на принцип тетрактиды ученый сформулировал основания общей эстетики и философскую методологию искусствознания и музыковедения[7]. В середине 1930-х гг. Лосев положил диалектику в основу курса «История эстетических учений» [19][8].

Возвращаясь к поставленному в начале статьи вопросу, мы теперь обращаем внимание на то, что этот же метод способен обосновать и концепцию литературной эволюции. В свое время мы проделали диалектическое конструирование словесности как «макрообъекта» (повторяем термин Д.С. Лихачева) [10; 11, с. 45–58]. Теперь в самых общих чертах покажем применение этой конструкции к моделированию развития русской словесности[9].

Если брать, по выражению Лосева, «статическую и отвлеченную», или «вертикальную» диалектику исторического процесса [19, с. 357], то словесность, понимаемая как целое (на этапе конструирования ее самой — как «одно»), сама может мыслиться *иным* по отношению к другому предмету — некоторой институции, которая на определенном этапе литературного развития начинает доминировать. Ее видение задает, по слову Лосева, «динамическая и конкретная (горизонтальная) диалектика исторического процесса» [19, с. 358]. Так, при моделировании эволюции русской словесности в средневековый период, т. е. с XI по XVII столетия, целесообразно выделять как *одно* ин-

---

[6] Этот контекст был также и биографическим. Лосев довольно рано вошел в круг Вяч. Иванова, а Б. Пастернак был старшим товарищем Лосева на философском факультете. «В 1916 выпускник университета Лосев по рекомендации Пастернака занял его преподавательское место в доме Филиппов. <…> У Лосева и Пастернака были и другие общие знакомые, отношения с которыми поддерживались как раз уже после Октября: В.Ф. Асмус, Г.Г. Нейгауз, М.В. Юдина, В.Д. Пришвина» [31, с. 234].

[7] Речь идет о работах 1926 г. «Диалектика художественной формы» и «Музыка как предмет логики». В этих работах Лосев делал как раз то, к чему в эти годы стремился Бахтин: рассмотреть элементы теории отдельных искусств (в бахтинском случае — поэтики) «на основе общей систематической эстетики» [1, с. 6].

[8] При обсуждении нашего доклада на конференции «Антиномичность поэтики русского модернизма» (20–21.11.2025) прозвучал вопрос о сохранении принципа тетрактиды в диалектике А.Ф. Лосева на позднем этапе его научного творчества. Он, несомненно, сохранялся, о чем свидетельствует успешно мимикрировавшая под марксистскую книга «Проблема символа и реалистическое искусство» (1976). В разделе «Диалектика символа и его познавательное значение» Лосев выделил первую, вторую, третью и четвертую «степени символа», которые при рассмотрении являются не чем иным как переименованными началами тетрактиды В: одно, иное, становление и факт [20, с. 198–199].

[9] Подробное моделирование процессов эволюции русской словесности осуществлено в наших работах [11; 12].

ституцию *письма*, получившую ценностный приоритет христианской письменности, относительно которой все многообразие «вторичных речевых жанров» [2] этого периода (челобитные, заговоры, плачи) должно мыслиться как иное[10]. Это многообразие не просто абстрактно мыслится нами, исторически именно оно и выступило *иным*, тем инобытием, от которого письмо «получает свое определение, отграничение и оформление» [18, с. 24]. Ценностный статус *письма*, подчеркнутый и его социокультурной локализованностью (практически все древнерусские писатели были монахами), определяет его как эйдос смысла, становящегося в развитии словесности.

Возникновение антиномической пары письменности и устной словесности стало импульсом к началу литературного развития. При этом смысловое наполнение тетрактиды оказалось следующим: *одно* — это религиозная книжность; *иное* — это устная словесность, весь массив вторичных речевых жанров, игнорируемых письменной культурой; *становление* — это развитие как таковое, совершающееся во времени; наконец, *факт* — это проявленность в жанрах некоторой литературной системы, в то время — византийской. Развитие литературы в средневековом цикле прошло четыре этапа: этап *спецификации* письма, приходившийся на XI–XII вв., когда книжность резко противопоставила себя устной словесности; этап *сближения* письменного и устного слова, охвативший XIII в.; этап *тематизации* письма, отмеченный расширением предметного кругозора книжника (XI–XV вв.); и этап *фокализации*, связанный с усилением в книжности субъектного начала (XVI–XVII вв.) [11, с. 163–170; 12].

С приходом Нового времени литературное развитие совершалось тем же порядком, что и в Средневековье. Начиная с XVIII в. при моделировании литературной эволюции обособляется как *одно* институция *поэзии*, т. е. художественного слова — и все многообразие нехудожественных жанров относительно ее предстает как *иное*. В понятиях XVIII в. можно говорить об антиномии *поэзии* и прозы[11] как одного и

---

[10] По Бахтину, вторичные речевые жанры включают в себя «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры» и возникают «в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного)» [2, с. 239]. Однако из этого определения не следует, что устными вторичные жанры не бывают. Мы считаем, что устойчивые жанры фольклора принадлежат именно к этому разряду явлений речи — вторичным речевым жанрам.

[11] Соотношение поэзии и прозы в XVIII в. (и до середины XX в.) понималось несколько иначе, нежели в последние десятилетия. Поэзия понималась как содержательная, а не формальная сторона определенного разряда произведений словесности,

иного в диалектическом смысле. Этап литературной эволюции, приходящийся на XVIII и первую половину XIX в., был этапом *спецификации поэзии*, когда художественная литература институциализировалась, продемонстрировав свою функциональную преемственность по отношению к религиозной книжности Средних веков[12]. Следующий этап, от середины XIX в. до ближайшего к нам времени, был этапом *сближения* художественного и внехудожественного слова.

Продуктивность этой диалектически созданной модели как научного инструмента состоит, в частности, в том, что она помогает решить давнюю проблему: представить в антиномическом, однако и в сущностном смысловом единстве средневековый, т. е. древнерусский, и нововременный, художественный периоды развития русской словесности. Начатый Д.С. Лихачевым проект «теоретической истории русской литературы» [15, с. 4] так получает концептуальную основу осуществления. Но использование этой модели оказывается эффективным и в применении к актуализировавшей ее эпохе модерна, позволяя наглядно соотнести эту эпоху с общей закономерностью литературного развития. Конкретно говоря, дионисийские приоритеты русского модернизма предстают закономерным проявлением сближения художественного и внехудожественного слова. Покажем это подробнее.

А.Ф. Лосев писал, что в «горизонтальной диалектике исторического процесса» факты истории начинают объединяться в «типические группы» [19, с. 358]. Так, обнаруживается, что процессы, начавшиеся в развитии русской литературы с середины XIX в., типологически подобны процессам конца XII в. и следующего за ним столетия. Тогда это было сближение *одного* и *иного* — *письма* и *устной словесности*, с большой наглядностью засвидетельствованное фактом возникновения «Слова о полку Игореве». Теперь это сближение *одного* и *иного* — *поэзии* и *внехудожественной словесности*, в составе которой тоже значительное место занимало народное творчество. Начало этого

и отнюдь не смешивалась со стихотворством как явлением формы. Уже основоположник русской художественной литературы В.К. Тредиаковский определял: «Прямое понятие о Поэзии есть не то, чтоб стихи составлять, но чтоб творить, вымышлять и подражать» [33, с. 181]. Прозой же называлось все то в словесности, что не есть поэзия: вся совокупность внехудожественных «вторичных жанров».

[12] Как и в древнерусскую эпоху, ценностный статус проявился и на уровне социокультурной локализованности, что наглядно показал Ю.М. Лотман [22]. В противоположность европейским понятиям, в России поэзия до конца пушкинской эпохи оставалась привилегией аристократического сословия: средневековый образ книжника — духовного авторитета народа оказался перенесен на фигуру поэта.

взаимопроникновения, интерференции, зафиксировано в славянофильских комедиях А. Островского, целыми сценами включавших в себя народные песни и обрядовые игрища. В 1870-е гг. примечательно параллельное возникновение очень близких по замыслу и архитектонике произведений: весенней сказки А. Островского «Снегурочка» и поэмы Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

И в «серебряном веке»: в противовес подчеркнутому эстетизму старшего символизма, младосимволизм развернулся в сторону почвенной стихии, мотивируя этот поворот поиском дионисийских источников искусства. Конечно, интерес к антиномии аполлонизма и дионисийства и акцент на втором из этих начал, вдохновленный идеями Р. Вагнера и Ф. Ницше, был общеевропейским. Однако он впечатляюще совпал с внутренней логикой российского литературного развития, ее ближайшими требованиями. Поэтому утверждавшие дионисизм младосимволисты охотно усматривали своего предшественника в Некрасове: Андрей Белый посвятил его памяти свой сборник «Пепел», а в лирике Блока Второго тома усматриваются прямые интонационные переклички с его стихами [13]. Максимилиан Волошин в 1902 г. заявил, что «Некрасов является истинным предтечей и отцом всех творческих течений современной русской поэзии» [5, с. 259]. И даже идеолог русского модерна Дмитрий Мережковский приписал Некрасову (возможно, не без натяжки) свойственное «серебряному веку» теургическое понимание поэзии: «Наша поэзия — <…> не только созерцание, но и действие. <…> Так для нас, так и для Некрасова» [24, с. 409].

Что же касается авангардной ветви постсимволизма, то для нее дионисийская связь с почвенной стихией была субстанциально значимой. Опыты Андрея Белого открыли дорогу идее «слова как такового», «самовитого слова», в практической деятельности будетлян В. Хлебникова и А. Крученых осуществляемой в значительной мере с опорой на народную словесность. Берущая начало в ремизовской школе повествовательная форма сказа раскрывала кругозор персонажа из почвенной или простонародной среды и тяготела к использованию соответствующих речевых средств. Излишне говорить, что в начале советской эпохи именно такой персонаж и соответствующая ему стилистика оказались востребованными.

Но не только дионисийская почвенная стихия вошла в поэзию в ходе процессов сближения художественного и внехудожественного слова. Речь научная, философская, историософская со своим спектром «вторичных жанров», все те разновидности текста, которые сегодня обозначаются термином «ментатив» [23, с. 107–114], сде-

лались приняты в составе поэзии, т. е. художественной литературы. Первый шаг в этом направлении был сделан тогда же, в середине XIX в., Львом Толстым в романе «Война и мир». Впоследствии, особенно в литературе XX в., состоялся лавинообразный рост эпистолариев, эссеистики, философских текстов, инкорпорированных в ткань художественной прозы или существующих в качестве таковой автономно. Среди примеров назовем такие значительные в литературном развитии романы, как «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Пушкинский дом» А. Битова, «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова, «Лавр» Евг. Водолазкина [7]. При этом начиная с «серебряного века» в творческом наследии многих писателей художественные и внехудожественные по замыслу произведения демонстрируют тематическое и образное единство: это касается Вяч. Иванова, А. Белого, Б. Пастернака. По-своему характерен тот факт, что и художественная проза А.Ф. Лосева, которую он создавал на протяжении всей жизни, тоже отвечала названным закономерностям: во-первых, она в сильнейшей степени насыщена ментативными фрагментами, во-вторых, она содержательно резонирует с научными трудами автора, его дневниками и перепиской. Е.А. Тахо-Годи справедливо считает, что «лосевская философия <…> может рассматриваться как философский претекст его прозы, как один из источников его художественной системы» [32, с. 12]. Используя появившееся в исследованиях начала XXI в. понятие «духовный реализм», Е.А. Тахо-Годи соотносит художественную прозу А.Ф. Лосева с этой разновидностью литературы и тем самым утверждает принадлежность Лосева-писателя к магистральному руслу литературного развития XX столетия [32, с. 312].

Таким образом, начиная с середины XIX в. сближение, интерференция поэзии и непоэзии осуществлялось как по линии «дионисийской» экспансии почвенной словесности в литературу, так и по линии насыщения художественного слова ментативной интеллектуальной составляющей. Тот облик, который художественная литература приняла в начале XXI столетия, стал результатом состоявшегося сущностного, функционального и формального сближения художественного и внехудожественного слова.

Русский модерн — это, пользуясь любимым выражением А.Ф. Лосева, подлинное «лоно» диалектики. Эта эпоха, справедливо характеризуемая как «неомифологическая» [21; 25], в обновленном виде восстановила мыслительные модели, происшедшие из мифологического сознания, среди которых диалектика занимает первое место. Следовательно, диалектика является адекватным инструментом самоописания модернистской культуры. Как видно из сказанного,

представленная модель эволюции словесности способна системно объяснить процессы и факты русской литературы последних полутора веков вплоть до современности. Ее происхождение из диалектической тетрактиды, формализованной А.Ф. Лосевым, свидетельствует об эвристическом потенциале диалектики, закономерно актуализировавшейся в антиномичной по своей внутренней природе культуре XX и XXI столетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. *Бахтин М.М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 6–71.
2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280.
3. *Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М.: Федерация, 1929. 279 с.
4. *Белый А.* Формы искусства // *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 90–105.
5. *Волошин М.А.* Опыт переоценки художественного значения Некрасова и Алексея Толстого // Н.А. Некрасов: pro et contra: антология: в 3 т. СПб.: РХГА, 2022. Т. 1. С. 243–259.
6. *Гармаш Л.В.* Симфонии Андрея Белого в контексте эпохи // Вісник ОНУ. Сер.: Філологія. 2017. Т. 22, № 1 (15). С. 17–32.
7. *Глембоцкая Я.О., Кузнецов И.В.* Текст-ментатив в русской литературе XX–XXI веков // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. Ч. 2. С. 382–394. https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-382-394
8. *Гоготишвили Л.А.* Вклад постсимволистов Лосева и Бахтина в теорию построения дискурса (принципиальные различия на фоне фундаментального сходства) // *Гоготишвили Л.А.* Лестница Иакова: архитектоника лингвофилософского пространства / сост., автор вступ. статьи и примеч. И.Н. Фридман; отв. ред. С. В. Федотова. М.: Издат. Дом ЯСК, 2021. С. 431–450.
9. *Иванов Вяч.И.* Дионис и пра-дионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 344 с.
10. *Кузнецов И.В.* О предмете исторической риторики // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 44–65.

11. *Кузнецов И.В.* Историческая риторика: стратегии русской словесности. М.: РГГУ, 2007. 320 с.
12. *Кузнецов И.В.* Теоретическая история, диалектика и риторика русской литературы // Вопросы литературы. 2011. № 3. С. 181–224.
13. *Кузнецов И.В.* Н.А. Некрасов и модернистское дионисийство в развитии русской словесности // Карабихские научные чтения. Литература — усадьба — музей: диалог культурных пространств (от некрасовской эпохи до нашего времени). Ярославль: ООО «Академия 76», 2023. С. 48–53.
14. *Кузнецов И.В.* Симфонизм как диалектика в поэзии русского модерна // Новый филологический вестник. 2024. № 4. С. 100–111. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-4-100
15. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы XI–XVII веков: Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973. 254 с.
16. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // *Лосев А.Ф.* Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993. С. 61–612.
17. *Лосев А.Ф.* Философия имени // *Лосев А.Ф.* Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993. С. 613–801.
18. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // *Лосев А.Ф.* Форма — стиль — выражение. М.: Мысль, 1995. С. 5–296.
19. *Лосев А.Ф.* История эстетических учений // *Лосев А.Ф.* Форма — стиль — выражение. М.: Мысль, 1995. С. 321–404.
20. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 376 с.
21. *Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М.* Литература и мифы // Мифы народов мира. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 58–65.
22. *Лотман Ю.М.* Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб., 1996. С. 254–265.
23. *Максимова Н.В.* «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. М.: РГГУ, 2005. 317 с.
24. *Мережковский Д.С.* Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев // Н.А. Некрасов: pro et contra: антология: в 3 т. СПб.: РХГА, 2022. Т. 1. С. 394–460.
25. *Минц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1979. Вып. 459: Творчество А. Блока и русская культура XX века: Блоковский сборник III. С. 76–120.
26. *Минц З.Г.* Поэтика Александра Блока. СПб.: Искусство-СПб., 1999. 727 с.

27. *Сакулин П.Н.* К вопросу о построении поэтики // Искусство. 1923. № 1. С. 79–93.
28. *Сакулин П.Н.* Синтетическое построение истории литературы. М.: Мир, 1925. 118 с.
29. *Сеземан В.Э.* Эстетическая оценка в истории искусства // Мысль: журнал Петербургского философского общества. Пг., 1922. № 1. С. 117–147.
30. *Смирнов А.А.* Пути и задачи науки о литературе // Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. II. С. 91–109.
31. *Тахо-Годи Е.А.* А.Ф. Лосев. От писем к прозе. От Пушкина до Пастернака. М.: Диалог-МГУ, 1999. 288 с.
32. *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. 399 с.
33. *Тредиаковский В.К.* Мнение о начале поэзии и стихов вообще // Сочинения Тредьяковского: в 3 т. СПб.: Изд. Александра Смирдина, 1849. Т. 1. С. 181–201.
34. *Тынянов Ю.Н.* О литературной эволюции // *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. Л.: Прибой, 1929. С. 30–47.
35. *Флоренский П.А.* Строение слова // *Флоренский П.А.* У водоразделов мысли: в 2 т. М.: Правда, 1990. С. 232–251.

Источники

36. *Пастернак Б.Л.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М.: Слово, 2004. Т. 3. 630 с.